

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОФЛОТЦА

МАКО ЗИНГЕР

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

ВОЕНМОРИЗАТ

1943

Смерть немецким оккупантам!

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

МАКС ЗИНГЕР

3-6

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Пенз. Обл. Б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

УПРАВЛЕНИЕ
ВОЕННО-МОРСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1943

Редактор *М. Эгарт.*

Подписано к печати 3/1 1943 г.
ГМ 40.573. Печ. л. 1. Печ. зн.
в 1 п. л. 41.76. Уч.-авт. л. 0,89.
Зак. 1992

Ф-ка юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия».

Москва, улица Фридриха
Энгельса, д. 46.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Комсомолец, старшина второй статьи Коля Дробнов считался лучшим разведчиком в отряде партизан. Со всем своим семейством воевал он в родных местах, захваченных внезапно врагом. Домой он приехал после ранения на миноносце. Нога зажила у него уже в партизанском отряде. Вместе с ним дрался его родной брат, а мать работала кашеваром и прачкой. Бывало, чуть рассветет, а уж слышен голос Дробнихи, как называли ее в отряде. Стирает она партизанское белье да поет вполголоса:

Ворон, ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься...

Партизаны потихоньку, чтобы не тревожить лесного безмолвия, подтягивали. И лучше всех пели сыновья Дробнихи.

— Орлы у тебя ребята, что один, что другой, — говорил старухе начальник отряда.

Разведчик Коля Дробнов ходил по немецким тылам и возвращался всегда с новостями. Поймали его раз возле селения, выбили на допросе

передние два зуба, и стал Коля шепелявить. Свой же голос самому чужим показался. Били Колю при каждом допросе, допрашивали два раза в день, сняли с него валенки, морили голодом, мучили холодом. На третью ночь Коля обманул часового, сказав, что идет по нужде, и бежал.

Ноги у него одеревятели от холода. Но он знал одно: надо бежать, пока есть силы.

Когда Коля добрался до первой партизанской землянки, он рухнул на снег. «Дух смололо», — как объяснил он потом товарищам. Его подняли, внесли в землянку, сняли с него разодранный о сучья ватник, тельняшку, флотский ремень с медной бляхой, растерли ноги спиртом, привели в чувство. К разведчику вернулись силы, и он рассказал обо всем, что разведкал.

Мать перестала тревожиться за сына и потихоньку утром снова затионула:

Ворон, ворон, черный ворон...

Через неделю раздобыли Коле другую пару валенок, и снова ушел моряк в разведку. Вернулся он через три дня, оборванный, голодный, ослабевший и снова без валенок. Увидел его командир, ахнул:

— На тебя, я смотрю, не напасешься валенок, марсофлот!

— Не на меня, а на немцев.

— Вторая пара валенок на тебе пропадает. Под-

рядился, что ли, немцам катанки поставлять? — удивлялся командир. — Что же нам с тобой делать? Повадились немец в твои валенки обуваться.

— Товарищ начальник, — вступил в разговор пожилой партизан. — У нас на краю деревни в одной хатенке есть завалы валенцы. Только не знаю, станет ли их Николай носить?

— А почему же не стану?!

— Они разные.

— По размеру?

— Не по размеру, в том-то и дело, по цвету они разные. Один черный, другой белый. Один словно уголь, другой на сметану цветом походит.

Замаялся морячок, а начальник говорит:

— Брось, Коля, думать! Война кончится, мы тебя в такие валенки обуем, куда там!

Надел Коля разные валенки и пошел опять в разведку. Пошел и пропал. День проходил за днем, а Коля все не возвращался. Хоть и привыкли партизаны к частым и долгим его отлучкам, хоть свыклись с этим, но забеспокоились.

Перестала мать петь свою песенку, затосковала сильно и, стирая белье партизанам, часто роняла в мыльную пену слезы.

Начальник подойдет к старухе, достанет из кармана расшитый кисет с табаком, ласково предложит:

— Закурим, что ли, мамаша!

Старуха закурит молча и вновь возьмется за

стирку. Поят они так рядом, помолчат. И старухе от этого вроде легче станет. Не так тоска одолевает.

...А Коля Дробнов на этот раз попал в лапы эсесовцев. Они привязали его к саням и заставили бежать за санями по морозу. Пригнали его в городок, втолкнули в комендатуру. На допросе, когда разведчик попрежнему впорствовал, комендант с такой силой ударил его кулаком, что Коля ослеп на один глаз.

Но ничего не сказал моряк о товарищах.

Через несколько дней Колю Дробнова повесили на телеграфном столбе. Он был в своих разных валенках, и свидетели запомнили эти валенки — один черный, другой белый. Запомнили, как палач снял их с ног повешенного и тут же, на людях, под виселицей переобулся, сбросив свои рваные, худые ботинки. Люди с ужасом смотрели на погибшего, на его белокурые волосы, вьющиеся кольцами, на избитое лицо и на босые посиневшие ноги. Никто не знал, откуда этот юноша и за что он принял такую смерть. Только из-под распахнутого ватника виднелась полосатая краснофлотская тельняшка.

Скоро до партизанского отряда дошел слух, что в северном городке повешен парень в разных валенках и краснофлотской полосатой тельняшке. Так узнали товарищи о гибели Коли.

Мать выслушала страшную весть молча. Сердце ее словно окаменело. Она потребовала себе оружие и, поправив сбившийся на затылок головной платок, громко сказала:

— Тяжело мне без Коленьки. Но погиб он за родину и не выдал товарищей.

Старуха попросила у начальника разрешения сходить в город. Начальник разрешил и в провожатые дал матери ее второго сына Сергея.

В городок они пришли под вечер, разыскали площадь и телеграфный столб, на котором все еще висело тело Коли.

— Не узнать его, совсем он на себя непохожий, — сказала мать.

Ей было легче от того, что в повешенном она с трудом узнавала любимые черты сына. Она ходила по улицам, опустив низко голову и не подымая глаз от земли.

«Что с ней? — беспокоился Сергей. — Кого она ищет? Почему все в землю смотрит?»

Она нашла, что искала. В сумерках мелькнули перед ее глазами на снегу ноги в разных валенках — белом и черном. Мать подняла голову и увидела его. Его, немца, повесившего ее сына. Палача, снявшего с повешенного валенки. Раньше чем фашист успел отскочить, большой кухонный нож, острый нож партизанской кухарки вошел в его горло.

Капитан Совторгфлота Нечепуренко плавал много лет по Приморью, но со штурманским делом был не в ладах. Старый, но еще бра- вый моряк любил показать перед молодыми свою образованность. Английского языка он почти не знал. Те немногие слова, которыми уснащал старик свою речь, он произносил точно по напи- санному, вызывая подчас улыбку собеседников.

— Плеазе, сидайте! — обращался Нечепуренко к гостю на своем особом англо-украинском наречии.

— Как плаваете, капитан? — спрашивали его приятели.

— Ал рихт! — бодро отвечал капитан, ковер- кая английское «ол райт».

Хоть и был он в штурманском деле, скажем прямо, не мастак, но в любом тумане, без прибо- ров, по времени приходил в заданное место, на банках не сидел, аварий не знал. Услышит с ко- рабля на берегу мычание коровы, выставит ука- зательный перст и важно, неспеша скажет:

— От це Ольга!

Боцман отдавал якорь. Туман рассеивался. Моряки смотрели и дивились:

— Чорт его знает, в самом деле — бухта Ольга!

А капитан ходил по мостику от борта к борту,

да покручивал свой запорожский ус, и приговаривал не без достоинства:

— Тут на Дальнем Востоке тильки три капитана: Дублыцкий, Мыловзоров та я!

У него была обширная «морская грудь» — шуточный синоним могучего живота у моряков. Бывало, сидит старик в кают-компании, расстегнув порыжевший китель. Усы у него седые, нависшие, брови густые и тоже нависшие. Все вместе придавало лицу выражение несвойственной ему суровости. Радист приносит метеосводку на английском языке. Нечепуренко деловито смотрит на сводку и читает по-своему:

— О-о-о! Мувинг.

Следует непродолжительная пауза.

— Ну, ничего! Обойдется!

Капитан углубляется в трудное чтение:

— О-о-о! Дэпрэши! Ну, ничего. Обождется. Это в стороне. Ал рихт! Так держать!

А в тихую погоду любил рассказывать о своем сыне — молодом лейтенанте, служившем в Краснознаменном Балтийском флоте на миноносце.

— Он у меня с малых лет был уважительный, всегда с батюшкой советовался. Бывало, спросит: «Ну, батюшко, как?» А я ему: «Ось так и так!» Он так и делает!

Отец не виделся с сыном три года и сильно соскучился. После долгих хлопот старика пере-

вели из Тихоокеанского бассейна в Балтийскую контору. Старик-капитан прошел курсы усовершенствования, понемногу овладел навигационным искусством и не чуждался больше секстана. Изредка мог он теперь навещать сына во время стоянок.

Но война вновь разлучила их. Перед самым выходом в море молодой Нечепуренко написал в «Боевой листок» короткую заметку, заканчивавшуюся так:

«Наши отцы и прадеды испокон веков громили немецких захватчиков. И мы будем уничтожать зарвавшихся фашистов, как бешеных псов. Никакой пощады врагу, воровски напавшему на нас. Смерть немецким оккупантам!»

Миноносец, на котором плавал молодой Нечепуренко, получил боевое задание: разыскать появившуюся у наших берегов вражескую подводную лодку и уничтожить. Сигнальщики зорко следили за морем. Солнце заходило в это время на короткий срок, и ночи держались белые, ясные. Прогонистый, ловкий корабль резал острым носом воды Балтики. Высокий пенный бурун поднимался до самого клюза. За кормой стелилась широкая взмыленная дорожка.

Вдруг под бортом миноносца, совсем близко, раздался взрыв. Корабль встряхнуло, словно игрушку. С левого борта вырос высокий водяной столб, продержался секунду и шумно, с плеском

рухнул. Люди, находившиеся на верхней палубе, попадали от удара взрывной волны. Старшину второй статьи Чухчина, молодого помора, кинуло к борту. Чухчин не растерялся и схватился крепкой, жилистой рукой за леерную стойку.

Лейтенанта Нечепуренко оглушило взрывом и бросило на кормовые скаты. К нему подскочил Чухчин. Опоздай помор на минуту — и командир оказался бы за бортом. Рискуя жизнью, Чухчин поднял командира и перенес в безопасное место. Тут Нечепуренко очнулся и услышал, словно издали знакомый окающий говор Чухчина:

— Товарищ лейтенант, порато шибко мина стрелила!

— Порато, да не по нашему кораблю, а мимо! — ответил Нечепуренко. — Потому что параван у нас правильный. Это он нас выручил.

«Правильный» было любимое словечко молодого Нечепуренко. Он так и говорил:

— Корабль правильный! Чухчин краснофлотец правильный! Залп правильный!

Подводный механический «часовой» — параван, как верный друг, уберег корабль от грозившей ему смертельной опасности — вражеской мины. Миноносец, не теряя хода, продолжал идти по заданному курсу.

— Слева торпеда! — доложил сигнальщик. Стоявшие на мостике увидели след торпеды, приближавшейся к миноносцу.

— Самый полный вперед! Лево на борт! — приказал командир.

Миноносец развернулся «на пятке». Торпеда прошла мимо.

— Разошлись вежливенько, — сказал Нечепуренко, — правильный маневр! Недаром нас зовут кавалеристами морей. И верно: не всякого коня с полного карьера так повернешь, как миноносец!

Было восемь часов утра без одной минуты. Приближался момент подъема флага. Но во время боевой тревоги этот церемониал отменялся. По боевому расписанию все были на своих постах.

— Слева перископ! — доложил другой сигнальщик.

Командир крикнул в мегафон, чтобы начинали бомбометание. Нечепуренко повторил приказание командира корабля минерам, и один за другим слышались всплески и глухие взрывы глубинных бомб.

От каждого взрыва миноносец чуть вздрагивал. На минуту комендоры Нечепуренко увидели показавшуюся рубку подводной лодки.

— За родину! За Сталина! По фашистам! — приказал Нечепуренко.

Он говорил четко, стараясь быть хладнокровным, и сознавал всю напряженность момента, который вряд ли скоро мог повториться.

На поверхности моря, где только что оголи-

лась рубка подводной лодки, образовалось овальное пятно масла, плавали какие-то сумки, бумаги, футшток, журналы. Пятно солёра ширилось и играло на солнце подобно перламутру.

— Пошли помирать, — доложил Чухчин.

Тут только за кормой, совсем невдалеке от миноносца, разглядел молодой Нечепуренко транспорт с нашими опознательными. Миноносец резко повернул и направился на сближение с транспортом.

По мостику парохода от борта к борту шагал старый капитан, расстегнув порыжевший китель и показывая широкую «морскую грудь». По седым нависшим бровям и запорожским усам, свисавшим до самого подбородка, Нечепуренко издали в бинокль узнал своего отца. Разглядел и старик сына.

Когда корабли поровнялись, не выдержал старый моряк, крикнул в мегафон:

— Добре, сынку, добре! От це так! Так и надо фашистов угощать варениками, чтобы забыли дорогу в наш огород!

Командир миноносца спросил старика Нечепуренко, куда он следует, и корабли разошлись каждый по своему назначению, отсалютовав флагами.

— Правильный у меня батька, ему давно за шестьдесят, а все морячит, — улыбнулся молодой Нечепуренко.

— Выходит, товарищ лейтенант, что сегодня вы батьку своего из беды выручили, — сказал Чухчин.

— Не я, а наша морская кавалерия, — ответил Нечепуренко.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПУГОВИЦЫ

Краснофлотец Петро Кавун, парень лет двадцати двух, отрастивший для солидности лишние усы и козлиную бородку, слыл на миноносце большим шутником. Редко можно было видеть его в плохом настроении. Одним из первых Кавун попросился в отряд морской пехоты и избрал себе специальность: ходить в немецкие тылы и антифашистские плакаты развешивать.

Одна женщина в оккупированном немцами колхозе заметила у советских разведчиков листовки и плакаты. Один плакат, самый цветастый, ей понравился. Она принялась упрашивать Кавуна:

— Подари мне его, сынок!

— Зачем он тебе, мамаша?

— На стенку повешу.

— Ты — плакат, а немцы тебя повесят. Это наше дело плакатами заниматься. А ты мне дорогу покажи в нашу сторону.

Женщина вывела разведчиков за село и показала ближнюю и спокойную дорогу.

— Вот тебе, мамаша, на память от краснофлот-

ца! — сказал Кавун и достал из кармана пригоршню заграничных пуговиц. Женщина поблагодарила.

Одно задание было выполнено: вся деревня, где помещался немецкий штаб, была украшена в ночь плакатами — к удивлению и злости фашистов, узнавших об этом только на утро.

— Мне если прикажут, то я любому немецкому часовому пониже спины плакат прикнуплю, — шутил Кавун. — Спать они горазды, как сурки. Стоит немец на часах и клюет носом. Подходи и делай с ним, что хочешь. У линии фронта они другие, это верно, но в тылах — сурки, определено.

В ближайшей деревне крестьяне сказали разведчикам, что сюда, к озерку, наведываются немцы за утками. Разведчики решили проучить охотников до чужого добра и спрятались в надежной засаде возле озерка.

Немцы не заставили себя долго ждать. Подойдя к воде, они стали стрелять по уткам из автоматов. От стрельбы домашняя птица разлетелась по всей деревне. Фашисты бросились ее ловить. Тут и засвистели меткие краснофлотские пули. Девять фашистов растянулись на снегу, шестерых отряд Кавуна взял в плен и повел на свою сторону. Шли долго. Вдруг откоча ни возьмись, — наши кавалеристы. Просят краснофлотцев;

— Уступите, браточки, нам «языка». У вас их вон сколько!

Кавун стал в шутку запрашивать за каждого «языка» по пол-литра, но потом, будто разжалобившись, сказал:

— Ладно, дадим им, что ли, одного, но кого?

Краснофлотцы рядились долго и, наконец, решили отдать конникам хромого немца.

— Берите, не жалко. Он, фриц, задерживает ход нашей колонны. И скажите вашему командиру, что краснофлотцы берутся поставлять вам «языка» хоть каждый день. Цены умеренные...

Отряды двинулись каждый своей дорогой:

— Смотри, Петро, как бы фрицы у нас не разбежались, — заметил один из бойцов.

— У меня не побежишь, — успокоил его Кавун.

Он остановил шествие, достал из кармана складной ножик, задержался возле каждого пленного не на долго, а затем дал сигнал.

— Теперь все в порядке! Они сами себя будут конвоировать! — ухмыльнулся Кавун и показал товарищам полную пригоршню немецких пуговиц. — Самое верное средство водить фрицев без конвоя. — объяснял он товарищам. — Еще в двенадцатом году при генерале Кутузове наши солдаты это практиковали на пленных. Патент! Попробуй немец теперь побежать, — только руками взмахнет, а штаны-то и упали! Без штанов долго не набегашься! Прохладно трош-

ки у нас! Я пленному никогда рук не вяжу. Зачем? А шталы без пуговиц — дело самое проверенное; Будет случай, подарю опять какой-нибудь любезной хозяйке немецкие пуговлцы.

ВДВОЕМ НА „ЯСТРЕБКЕ“

Летчик Вадимов возвращался к себе в казарму после боевого вылета и вдруг услышал жалобное мяуканье.

— Кыс-кыс-кыс, — позвал Вадимов.

В потемках летчик не заметил котенка и чуть не наступил на него. Да и трудно было заметить котенка ночью. Это был черный, как уголь, звереныш без единого пятнышка.

— Какой же ты черный, словно океан в бурю! — сказал летчик, беря котенка на руки. — Тебе по ночам можно без опаски бродить. Ишь, затемнился как! А замерз небось, бедняга! Вот уж мы тебя согреем!

Он сунул котенка под меховую безрукавку. Котенок замурлыкал от удовольствия.

Дома Вадимов напоил котенка из чайного блюдца разведенным консервированным молоком. Вокруг редкого на аэродроме гостя собралось немало летчиков. Все дивились ему. Каждый норовил потрогать его дружелюбно за тугой хвост, который был поднят подобно стабилизатору, за черные лапки и бархатные ушки. Прозвали

его в полку «Саша Черный». Но имя показалось слишком длинным, его сократили, и стал котенок именоваться просто «Сашкой».

Сашка оказался веселым шалуном и быстро завоевал всеобщую дружбу в авиаполку. Но хозяином своим, приемным отцом Сашка попрежнему добросовестно считал Вадимова.

Сашка ловил мышей. Дело это, как известно, ночное. На ночной разбой Сашка выходил смело, без всякой опаски. Но черная шерсть не всегда помогала Сашке. Из-за темной своей окраски он и страдал порой немало. Впотьмах сколько раз наступали на него летчики. Он только отфыркивался и утирался лапкой.

Вадимов любил позабавиться с ним в свободные минуты. Возьмет на руки и показывает, словно учлету, класс высшего пилотажа.

— Вот, Сашка, учись нашему летному делу! Вот это, замечай, будет петля! — Тут Вадимов, держа котенка одной рукой, описывал ею полную петлю. — А вот тебе переворот через правое крыло! Вот бочка! А вот, Сашка, тыходишь в штопор и благополучно выходишь из него. Только на малой высоте не штопори никогда, пропадешь! Запомни, что знание фигур высшего пилотажа может тебе пригодиться, если ты твердо связал свою жизнь с летчиком!

Как-то ночью случилась очередная тревога. На место стоянки транспортов налетели «Юнкерсы» и

«Мессеры». Летчики-гвардейцы кинулись к своим «ястребкам». Вадимов, высокий, промадный, залез в машину не один, а с Сашкой.

— Так вот, друг, — строго сказал летчик котенку, — сегодня мы с тобой малость повоюем. Погляди, как мы отваживаем фрицев от наших кораблей!

Подъем руки, взмах белым флажком — и Вадимов и Сашка были уже в воздухе. Сашка съёжился от холода. Вадимов заботливо сунул его в один из своих запасных унтов.

— Ты, Саша, не робей! Мы их не боимся, не праздную труса и ты!

Тут Вадимов прибавил газу, и мотор взревел. Сашка заерзал в унте.

— Смотри, Саша, не оскандайся! Это ведь первое твое боевое испытание, — сказал снова летчик. — Выдержишь испытание — всегда буду брать с собой.

В небе перекрещивались лучи прожекторов. Вот один за другим несколько лучей накрыли фашистскую машину и повели ее на запад, не выпуская из световых сетей. Дав условный сигнал зенитчикам, Вадимов бросился на фашиста.

Ослепленный лучами немец нырял то вправо, то влево. Но прожектористы держали его крепко. Внизу под самолетом простирался залив и голые скалы. Вот луч прожектора скользнул и по машине Вадимова. Выглянувший из унта в эту ми-

нугу Сашка, обалдев от яркого света, мгновенно юкнул обратно.

— Что, не нравится? — засмеялся Вадимов. — Тяжеленька наша служба?

В самые тревожные минуты своей опасной службы, в любом бою, Вадимов был внимателен ко всяким мелочам.

— Внимание и скорость — вот что необходимо каждому летчику! — говорил Вадимов в кругу товарищей.

И он, действительно, был внимателен и быстро соображал. Он подвалился под самое брюхо фашистского «Юнкерса» и прошил его длинной очебедью.

Вновь выглянувший из дыта Сашка был освещен теперь огнем, который охватил фашистский самолет. Это показалось котенку страшнее прожекторов. Его бросило в дрожь. Если только способен был думать оробевший Сашка, то лишь о том, как хорошо сейчас на обыкновенном, подметенном казарменном полу ловить зазевавшихся глупых мышей.

Немецкий истребитель, сопровождавший бомбардировщик, схватился с Вадимовым один на один. Застрекотали фашистские пули по спинке сидения пилота, но спинка была бронирована. На ней после каждого боя Вадимов чернильным карандашом брал в кружок новые и новые вмятины. Сколько раз бронированная спинка спасала

жизнь летчику! И на этот раз не удалось врагу ее продырявить...

Бой кончился. Вадимов повернул назад. В унте заворочался котенок. Свободной рукой Вадимов почесал Сашку за ухом, и тот угомонился.

Вот показался аэродром. Уже рассвело. Вадимов разыскал мастерские и сделал приветственный круг; здесь работала в ночной смене знакомая девушка. Возвращаясь после боевого вылета, Вадимов обычно вибрировал над мастерскими.

Он приземлился, вылез из машины и вдруг вспомнил о Сашке.

— Друг мой, прости пожалуйста! Забыл я о тебе! — сказал летчик, вытаскивая из машины унт с котенком, забившимся в самую пятку. — Не удалось немцам побомбить наши транспорты, а мы фашистов малость поубавили...

Когда Вадимов принес унт в казарму и вытащил обомлевшего Сашку на свет, то не узнал его, так подействовала на четвероногого летуна первая схватка с противником. Сашка косил глазами от страха и часто просился на двор, будучи прилично воспитан.

— Да, Саша, тяжеленька наша служба, но почетна, — утешал его Вадимов. — Не летать тебе со мной в бой, не твое это дело. Тебе —

мышей ловить. А с немцами мы сами как-нибудь управимся.

Дни проходили за днями, тревоги за тревогами. Вадимов летал попрежнему в бой, но теперь уже только один, без Сашки. Но все же котенок сбежал от него и, как говорили летчики, — к морской пехоте: там хоть страшно, — а на земле.

ГРЕЙПФРУТ

Матрос Патутин плавал на пассажирском пароходе «Карл Маркс» от Одессы до Батуми. моряк привез домой пяток грейпфрутов, подаренных ему знакомой девушкой в Поти. Каждый плод был завернут в папиросную бумагу, на которой значилось: «Грейпфрут. Родина Мутант-а-Вест-Индия. Впервые завезены из Флориды в Грузинскую ССР (Поти) в 1933 году». Матрос сбросил обертки, выложил плоды пирамидой на тарелку и залюбовался. Солнце ласково пригревало сверкающую кожуру. Матрос принюхивался к плодам, потирал руки от удовольствия.

В дверь постучали. Размашисто вошел Литвиненко — матрос парохода «Андрэ Марти».

— Заворачивай ко мне, браток! У меня сегодня отвальная, — сказал он.

— Разве «Марти» уходит? Он же в ремонте!

— Я списался с парохода. Уезжаю далеко, в Архангельск. Идем оттуда в Игарку... Э, да ты, я

вижу, разжился грейпфрутами! Подари мне один шарик! Он мне в Арктике очень пригодится. Штука полезная, особенно для полярников.

Пагутин выбрал товарищу самый большой грейпфрут, бережно завернул в газетную бумагу и преподнес так торжественно, словно артисту корзину цветов в день юбилея:

— Получай, браток! Будешь чаевать—вспомни меня тихим словом!

Литвиненко добрался до Архангельска и ушел в полярный рейс. Грейпфрут хранился у него в белье. Так казалось ему надежней сберечь его от порчи.

После жаркого южного лета чудным показалось матросу полярное негреющее солнце, светившее даже ночью. Тянуло к теплу. Хотелось кислого. Но отведать грейпфрут не решался, берёг до Игарки. Здесь, среди вековой благоуханной тайги, где пахнет багульником, он собирался у костра с товарищами попить чайку с этим плодом субтропиков.

За время арктического плавания грейпфрут немного усох, кожура его стала заметно тоньше и тверже. Но матрос знал, что плоду от этого вреда не будет.

Вместе с товарищами Литвиненко зашагал в игарскую тайгу. Кедр, пихта и лиственница толпились, словно люди на митинге. Приземисто росла полярная карликовая береза. Где-то

прокричала кедровка и шумно поднялась с дерева. Бурелом затруднял дорогу. Приходилось прыгать через стволы поваленных деревьев, которые от времени покрылись мхом и стали трухлявыми. Чем дальше от берега Игарской протоки уходили люди, тем угрюмей становилась тайга. Показались кочковатые болота, зыбуны. Пахло багульником. Все вокруг покраснело от брусники. Местами чернела голубица. Моряки набивали ею рот целыми пригоршнями, синили зубы. Вместе с моряками шел игарский старожил — метеоролог Дрозд.

На мшистом холме под лиственницей Литвиненко домовито расстелил метр брезента, расставил банки с камсой, фаршированным перцем, нарезал копченой колбасы, хлеба. Пока он занимался приготовлением столь пышного таежного обеда, товарищи наладили костер и подвесили над огнем чайник с водой, набранной в болотце. Вода оказалась снеговой, вкусной. Литвиненко достал заветный грейпфрут и тоже выложил на брезент. У метеоролога Дрозда руки затряслись от восторга.

— Слушайте, ребяташки, выручите, голубчики, не режьте этот самый фрукт, а подарите мне! — взмолился Дрозд. — Я вам за него что хотите дам. Ничего не пожалею. У меня есть лук — замечательной ненецкой работы, из семи слоев деланный. Есть бисером расшитые пимы. Три

стерляди поймал, превосходные, енисейские. Все отдам...

— А зачем тебе грейпфрут, голова?—удивился Литвиненко. — Мы же его сейчас распробуем. И тебе попадет кружочек с коровий носочек.

— Да я не о себе забочусь, голубчики,—сказал метеоролог. — Сынишка здесь со мной живет в Игарке. Сиротка он. Мать его в прошлом году ехала из Дудинки на собаках домой да не доехала. Ни собак, ни людей не нашли. Пропали... У меня все заботы теперь о сынишке. Хочется потешить его диковинкой.

Литвиненко взглянул на метеоролога, на грейпфрут, на товарищей и ответил:

— Я против ничего не имею. Как, товарищи?

— Обойдемся,—промолвил кок, наливая каждому чаю в эмалированную кружку. — Мы вместо него клюквенного экстракту в чай добавим. Сильнее даже берет.

— Нам пимов твоих не надо, в Одессе их не носить, их моль только поест. А из лука стрелять в двадцатом веке вроде неудобно. Бери за так!—предложил Литвиненко. — А парнишке скажи, что моряк из Одессы приезжал в Игарку, подарок привез. Этот фрукт достался мне от моего товарища Патутина, а ему подарила знакомая девушка из Поти. Это, можно сказать, не фрукт, а перекаати-поле.

Метеоролог бережно завернул подарок в обрывок газеты и спрятал в карман шинели.

Сынишка метеоролога готовил вечером уроки, старательно выводил крупные буквы в тетради. Вернулся из тайги отец и положил перед ним газетный сверток. Мальчик развернул подарок, воскликнул:

— Папка, я знаю, что это такое! Это грейпфрут! Они растут теперь и у нас в Советском Союзе. Нам учительница объясняла. Я буду его беречь.

— Зачем беречь? Вот еще новости! Я достал его тебе для еды, а не для бережения.

Сынишка положил грейпфрут на тарелку. Поставил перед собой на письменный стол. Несколько раз брал в руки чудесный плод, пытался сдавить его плотную кожуру. Но кожура окрепла и стала словно из металла.

Вечером к метеорологу пришел в гости летчик Наумов. Они были старые друзья-полярники. Вместе когда-то служили на флоте, вместе начинали арктическую жизнь на острове Диксон, в Карском море. Летчик спросил:

— Скажи мне, ученая птица Дрозд, какая завтра ожидается погода?

Метеоролог раскрыл перед ним синоптические карты и заявил, что по всей вероятности с утра погода будет летная.

— Лечу, друг, по особому заданию, Уйма про-

межуточных посадок по всем зимовьюшкам. А хочется скорей домой. С матушкой давно не видался. Стара она стала, плоха... Э, да вот у вас какие тут в Игарке фрукты! Откуда ты его достал?

— Подарил сынишке один морячок...

Летчик повертел грейпфрут в руках, понюхал и положил на место.

— Морячок, говоришь, подарил? И много их у него?

— Один вот, кум Наум,—ласково ответил метеоролог.

— Один, какая жалость!

— Почему ты жалеешь, дядя? — спросил сынишка метеоролога, отрываясь от уроков.

— Моя матушка тебе в бабушки годится. Известно, старому человеку хочется кисленького. Просила она меня перед отлетом: «Если, — говорит, — случится, купи, сынок, матери лимон, привези, пожалуйста!»

— И ты не купил?—спросил мальчик.

— Не пришлось. Были они в одном месте, да перед моим прилетом..

— Дядя, ты моряк или летчик?

— Я морской летчик.

— Значит, и моряк и летчик. А ты на фронте был? — спросил мальчик снова.

— В гражданской участвовал.

— Летал?

— Нет, в пехоте служил. Тогда летчиков было очень мало. Не то, что сейчас.

— А если будет война, ты пойдешь на фронт?

— Непременно! Сам попрошусь...

Мальчик уважительно посмотрел на летчика, погладил шитый серебром пропеллер на его рукаве и сказал:

— Дядя, я подарю тебе для твоей мамы грейпфрут. Отвези ей от меня в подарок.

— Что ты, друг! Тебе самому он пригодится здесь, на Севере. Мне брать его неудобно.

— Бери! Бери!— настаивал мальчик.— Папа мне еще достанет!

— Где же я тебе достану? — отозвался недовольно отец. — Разве они растут в Игарке?

— Бери! Все равно бери! — уже почти со слезами в голосе просил мальчик.

— Бери, кум Наум! Раз уж он сам...— И отец стал накачивать примус, готовясь угостить летчика жареной енисейской стерлядкой.

Наумов попал домой с запозданием. Старушка-мать не дождалась его, умерла. Годы ее, как видно, вышли. Это были первые дни войны. Не заселился летчик дома. Записался добровольцем на фронт.

Ранним утром летел Наумов в первую разведку. На горизонте сквозь мглу показался вражеский истребитель, патрулировавший свою зону. Враг заметил машину Наумова и ринулся на нее.

Вместе с Наумовым находились три молодых летчика. Наумов зашел в хвост самолета противника, штурман дал по врагу пулеметную очередь.

В пилотской кабине Наумова зажглась красная лампочка: противник заходил под брюхо самолета.

Но враг уже был подбит. Уже дымил его самолет. И вдруг Наумов почувствовал боль в правой ноге. Он не мог выжимать ею педаль. Казалось, что поединок кончен, враг горит; однако, погибая, он успел выпустить по самолету Наумова очередь зажигательных пуль.

Ярко вспыхнула правая плоскость наумовской машины. Летчик почувствовал, как ему сразу стало жарко, будто открыли дверцу раскаленной печи. Надо было скорее сбивать огонь. Он перевел машину в скольжение на левое крыло. Не помогло. Огонь, было притихший, вновь разгорелся, грозя взорвать бензобаки. Уже дымился летный комбинезон Наумова. Одной рукой он держал штурвал, а другой отмахивался от языков пламени, словно от мошкары в тайге. Он защищал лицо меховой огромной рукавицей, но и та начинала дымиться. Перестала вспыхивать предостерегающе красная лампочка. Может, штурмана не было уже в живых?..

Наумов не мог сбить огня. Оставалось одно — немедленная посадка. Но куда? Садиться в тайгу с горящим самолетом Наумову еще не приходи-

лось. Вот показалась поляна. Наумов круто развернулся к ней, задыхаясь от дыма...

Он очнулся в лазарете.

— Как вы себя чувствуете? — спросила медицинская сестра.

— Не совсем обычно, — ответил Наумов, — правая нога словно чужая.

— Вас оперировали, пуля извлечена. Ожоги незначительны. Скоро пойдете на поправку.

— А где мои товарищи?

— Все здоровы. Это они донесли вас до нашего медсанбата, — ответила сестра.

«Я—их, они меня выручили», — подумал летчик и попросил карандаш, бумагу.

«Друзья! — писал он товарищам. — У меня в чемодане пропадает грейпфрут. Кожа на нем малость затвердела. Вы не обращайтесь внимания! Это не простой фрукт, он особенный. Я когда-нибудь расскажу о нем целую историю. А пока нарежьте его и пейте с ним чаек, вспоминайте обо мне, благодарном вам товарище».

Вечером в медсанбат пришли товарищи Наумова. После короткого свидания (доктор не разрешил утомлять Наумова долгими разговорами) они тихонько передали сестре грейпфрут и сказали шопотком:

— Вы его с чаем давайте Наумову. Если будет спрашивать, откуда он у вас, скажите; что свой, мол, из дому привезла.

Певз. Обл. Б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Сердце матери	3
Морская кавалерия	8
Заграничные пуговицы	14
Вдвоем на „ястребке“	17
Грейпфрут	22

Отзывы об этой книге и предложения по изданию серии „Фронтальная библиотека краснофлотца“, а также дневники, записи боевых эпизодов, очерки, рассказы, стихи и песни Военно-Морское Издательство просит присылать по адресу: Москва, 22, Малая Грузинская, д. 6. Военмориздат.

